

УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ

П. И. ПЕСТЕЛЬ

В. ИВАНОВА

П. И. ПЕСТЕЛЬ

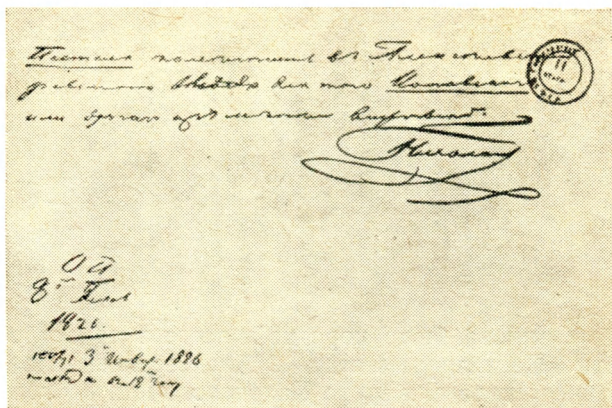
ЛЕНИЗДАТ • 1966

Записка была короткой, всего в три строки: «Пестеля поместить в Алексеевский рavelин, выведя для этого Каховского или другого из менее важных». И под ней подпись с росчерками и завитушками: «Николай».

Эту записку коменданту Петропавловской крепости генерал-майору Сукину император написал 3 января 1826 года, через двадцать дней после восстания декабристов на Сенатской площади.

Николай знал, что Каховский был одним из организаторов восстания, что он смертельно ранил генерал-губернатора графа Милорадовича и даже предназначен был посягнуть на его собственную, Николая, жизнь, а Пестель в мятежных действиях не участвовал и сидел тогда под арестом далеко от Петербурга, в Тульчине, но то, что именно Пестель был главою тайного общества, сомнений не вызывало. Об этом сообщалось в доносах, это признавали и допрошенные к тому времени участники восстания.

Действительно, Пестель был идейным руко-

Записка Николая I коменданту Петропавловской крепости.

водителем декабристов. Человек с острым умом, твердым характером, обширными знаниями, он не мог оставаться равнодушным к тому, что происходило в то время в России. «Вся моя история, — сказал о себе Пестель, — заключается в двух словах: я страстно любил мое отечество, я желал его счастья с энтузиазмом».

* * *

24 июня 1793 года в Москве в семье почт-директора Ивана Борисовича Пестеля родился сын. При крещении, как лютеранин, он получил двойное имя Павел-Михаил.

Иван Борисович был рад появлению на-

следника: будет кому передать дело. Почти сто лет ведают Пестели Московским почтамтом. Должность отличная, хотя и хлопотливая.

Особенно много беспокойств доставляло Ивану Борисовичу одно поручение секретного свойства. Екатерина II, напуганная проявлениями «вольнодумства» в своей стране, решила разоблачить распространителей «французской заразы». Весной 1790 года Пестелю было приказано снимать копии со всех писем «вольнодумцев» и доставлять их начальству.

Многих из «вольнодумцев», оказавшихся в списке, переданном Ивану Борисовичу, Пестель хорошо знал: они были его добрыми знакомыми; но делать нечего — служба есть служба, и Иван Борисович старался.

Усердие его было замечено, и вскоре он получил повышение — должность столичного почт-директора и председателя Главного почтового управления. Пестели переехали в Петербург. Но продержался Иван Борисович на новом месте недолго.

Однажды ему принесли письмо от неизвестного, адресованное за границу. В нем со всеми подробностями сообщалось о заговоре против императора Павла, а в конце была приписка: «Не удивляйтесь, что пишу вам просто по почте: наш почт-директор Пестель с нами». Показывать такое письмо начальству было невозможно, и Иван Борисович решил его сжечь.

Вместе с письмом сгорела и карьера Пестеля. Министр иностранных дел граф Ростопчин, специально написавший это письмо,

доложил императору, что почт-директору доверять нельзя, раз он скрыл известие о заговоре.

Пестель покинул столицу и перебрался с семьей в Москву. К тому времени у него кроме Павла было еще трое сыновей.

Старший с детства проявлял незаурядные способности. Его мать Елизавета Ивановна, женщина умная и образованная, сама обучавшая детей чтению, письму, географии и истории, предсказывала сыну блестящую карьеру. А глядя, как он командует братьями, считала, что карьера эта будет военная. Так оно и получилось.

В 1803 году Павел Пестель был определен в Петербургский пажеский корпус. Этому предшествовал ряд событий, снова изменивших жизнь семьи Пестелей.

В марте 1801 года был убит император Павел. На трон вступил его сын Александр. Новый император, отменявший все распоряжения ненавистного ему отца, узнав о причинах отставки Пестеля, пожаловал его чином тайного советника и вернул на государственную службу — в московский департамент Сената.

Теперь Иван Борисович мог подумать об устройстве своих сыновей, — им надо было дать образование.

Самым аристократическим учебным заведением в России в то время считался Петербургский пажеский корпус. Ивану Борисовичу удалось устроить туда трех своих сыновей — правда, не на государственный кошт. Павел, Борис и Владимир Пестели были зачислены

в корпус «сверхкомплектными пажами» и оставлены «для прохождения наук» в родительском доме.

В 1805 году Павел и Владимир уехали в Дрезден, где жила мать Елизаветы Ивановны — известная писательница А. Крок. В Дрездене для занятий с внуками бабушка пригласила лучших профессоров.

Четыре года жизни за границей пролетели быстро. Пора было возвращаться в Россию. К тому времени семья Пестелей снова переселилась в Петербург.

Сразу же по возвращении сыновей на родину Иван Борисович принялся хлопотать об определении их в корпус уже на пансионерские места. 1 марта 1810 года главный директор Пажеского корпуса получил бумагу, в которой сообщалось, что государь «по прошению тайного советника Пестеля высочайше указать соизволил: из числа трех сыновей его, сверхкомплектных пажей, старшему Павлу и младшему Владимиру, по представлении их в Пажеский корпус, произвести ныне же экзамен и потом... поместить в те классы, к которым по экзаменам окажутся принадлежащими».

В мае семнадцатилетний Павел Пестель был зачислен в старший класс Пажеского корпуса. Ему предстояло пробыть здесь полтора года.

Юноша взялся за науку всерьез. Начитанный, не по возрасту сдержанный, немногословный, он сумел внушить к себе уважение.

Учился Пестель в корпусе отлично. Особенно интересовали его политические пред-

меты, и в первую очередь политическая экономика. Преподавал ее профессор Карл Федорович Герман.

С Германом Пестель познакомился еще до поступления в Пажеский корпус — сразу после возвращения из-за границы. Иван Борисович пригласил профессора для занятий со своими сыновьями политическими науками, которых в Дрездене они не изучали, но которые для поступления в корпус были обязательны.

Герман познакомил юношей с учением французских просветителей XVIII века, рассказал о государственном устройстве различных стран.

Пестель тщательно конспектировал лекции любимого профессора. Он составил по ним обширные «своды» под заглавиями: «Торговля», «Статистика», «Просвещение». Законспектировал он и сочинения Германа, назвав свой конспект «Практические начала политической экономики».

Через несколько лет книги Германа были запрещены правительством, так как «имели основанием своим и целью порицание... существующего в России правления и вообще верховной власти».

В это же время попала к Пестелю книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Она ходила по городу в списках и передавалась из рук в руки тайком. «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй...» — прочел Пестель на первом листе книги. Чудищу этому было имя — самодержавие.

Стремление самому разобраться в сути ве-

щей заставило юношу внимательно изучить сочинения французских просветителей: Жан-Жака Руссо — «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» и «Общественный договор», Габриэля Мабли — «Об изучении истории» и «Сомнения», Шарля Монтескье — «Персидские письма», «Рассуждения о причинах величия и падения римлян», «О духе законов». В этих книгах проводилась одна мысль: верховная власть в государстве должна принадлежать народу, естественное состояние людей — равенство между ними.

В разговорах с товарищами Пестель стал осуждать самодержавие, крепостнический строй в России. Это вселило беспокойство в его преподавателей. «Пестель, — отмечал директор Пажеского корпуса генерал Клингер, — имеет ум, в который извне вливаются вольнолюбивые внушения».

Пестель окончил Пажеский корпус в декабре 1811 года, первым учеником. После экзаменов его имя было внесено в списки лейб-гвардии Литовского полка. Молодой прапорщик назначался командиром стрелкового взвода второй гренадерской роты. Началась самостоятельная жизнь.

«Почему сделались вы масоном? — Для тайны и чтобы из мрака перейти в свет...» Так было написано в масонском катехизисе. Масонство — модное тогда религиозно-этическое учение — привлекало к себе мыслящих, передовых людей своей гуманистической

направленностью: масоны мечтали «создать на земле рай».

Узнав, что один из преподавателей Пажеского корпуса — инспектор классов Оде де Сион — основатель петербургской масонской ложи «Соединенные друзья», Пестель поведал ему о своем заветном желании стать масоном.

— Вы знакомы с нашим учением? — спросил Оде де Сион.

— Я слышал о цели, которую преследуют масоны, и считаю ее благородной.

— Хорошо, я буду вашим поручителем. Надеюсь, что через две недели вы вступите в ложу.

Оде де Сион выполнил обещание. Вскоре молодому офицеру вручили белый фартук — запон, лопаточку, две пары перчаток и золотой треугольник на красной ленте — масонские знаки. Мечта исполнилась. Но истину, правду и справедливость, которые Пестель рассчитывал найти в масонской ложе, он там не нашел. Не ей суждено было просветить его, разрешить его сомнения. Это сделала жизнь, и в частности события 1812 года.

Международное положение России в то время было напряженным, — из всех крупнейших европейских стран только она одна оставалась не покоренной Наполеоном. Войны надо было ожидать со дня на день. Она началась в июне 1812 года.

Литовский полк, где служил Пестель, долго находился в резерве. Первым сражением, в котором пришлось ему участвовать, был Бородинский бой. Пестель показал себя сме-

лым воином. Здесь же, на поле битвы, Кутузов наградил его за храбрость золотой шпагой.

Но этот первый бой едва не стал для Пестеля последним: он получил тяжелую рану. Кость его левой ноги была раздроблена, сухожилия повреждены.

Перевезенный в декабре 1812 года в Петербург, Пестель до весны пролежал в родительском доме. Он уехал в армию только 7 мая 1813 года с еще не закрывшейся раной.

Русские войска, изгнавшие захватчиков со своей земли, бились с ними уже на территории Германии. Назначенный адъютантом главнокомандующего — графа Витгенштейна, Пестель участвовал в сражениях при Пирне и Дрездене, Кульме и Лейпциге, в переправе через Рейн и штурме французской крепости Форт-Луи. За мужество и смелость, проявленные в этих и других боях, Витгенштейн представил его к чину поручика. В конце 1813 года на груди Пестеля сверкали уже три ордена: русский — святого Владимира IV степени, австрийский — Леопольда III степени и баденский военный орден Карла-Фридриха.

В марте 1814 года русские полки вступили в Париж. В их рядах был и Павел Иванович Пестель.

В Россию Пестель возвратился переполненный новыми впечатлениями и мыслями. Он ясно увидел теперь, насколько отстала Россия от Европы, как сковывают ее путы самодержавия.

После войны граф Витгенштейн был назначен командующим 1-й армией, стоявшей в

Курляндии. Туда же, в Митаву, поехал и Пестель. По дороге он на несколько дней задержался в Петербурге у родных.

Иван Борисович настоятельно советовал сыну представиться в Митаве графу Палену, его старому знакомому.

Пален, организатор дворцового переворота 1801 года, был выслан из столицы Александром I, которого он же и возвел на престол. С тех пор граф жил в своем курляндском поместье под негласным надзором полиции.

Пален встретил молодого офицера приветливо. Он с интересом слушал его рассказы.

Пестель был откровенен.

— Россия, — сказал он, — в политическом отношении представляет собой зрелище печальное. Русский народ по своим достоинствам может претендовать на большее, чем то, что он имеет сейчас.

— Такие рассуждения могут завести вас очень далеко, — заметил Пален. — Но если вы хотите что-нибудь сделать путем тайного общества, то это глупость.

— Я не задумывался о тайном обществе... — ответил Пестель.

— Но вы непременно придете к нему. Это не так уж трудно предвидеть...

Пален оказался прав.

В августе 1816 года Павел Пестель стал членом «Союза спасения». В это тайное общество, созданное в Петербурге 9 февраля 1816 года по предложению подполковника Генерального штаба Александра Муравьева, вошли молодые офицеры Никита Муравьев, братья Сергей и Матвей Муравьевы-Апосто-

П. И. Пестель.
Портрет работы его матери.

лы, Иван Якушкин, князь Сергей Трубецкой, князь Федор Шаховской, отставной ротмистр кавалергардского полка Михаил Лунин и племянник писателя Н. И. Новикова — масон Михаил Николаевич Новиков. Он-то и ввел в общество Пестеля.

Целью общества, положившего начало новому в России движению, названному потом движением декабристов, было добиться отмены крепостного права и ограничить самодержавную власть царя конституцией.

Составить конституцию взялся Пестель. Он считал, что нужно «приготовить наперед план Конституции и даже написать большую часть уставов и постановлений, дабы с открытием революции новый порядок мог сейчас же быть введен сполна».

Для составления устава тайного общества осенью 1816 года была создана комиссия. В нее вошли Трубецкой, Пестель и Долгоруков. Но фактически устав пришлось писать одному Пестелю.

К январю 1817 года устав был готов. В нем обуславливались цели и задачи общества, которое Пестель предлагал переименовать в Общество истинных и верных сынов Отечества.

Целями общества, говорилось в этом документе, являются установление в наиболее подходящий момент — момент восшествия на престол нового императора — конституционного правления в России и отмена крепостного права. Задачи членов общества — всемерно воздействовать на общественное мнение и заботиться о пополнении своих рядов.

Последнее оказалось наиболее трудным. Сложное построение общества, состоявшего по примеру масонской ложи из трех разрядов — «боляр», «мужей» и «братьев», чрезмерная конспиративность мешали вовлечению новых членов.

Через год после принятия устава решено было заменить его новым и преобразовать общество. Оно стало называться «Союзом благоденствия», а устав, по цвету обложки, получил название «Зеленая книга».

В «Зеленой книге» не было требований ограничить самодержавие и уничтожить крепостное право. Они заменялись «надеждой на доброжелательство правительства» и «медленным действием на мнения». Вместо политических задач на первый план выдвигались «филантропия, нравственность, просвещение».

Новый устав отвечал духу времени — времени либеральных фраз. Александр I дал конституцию Польше. На открытии сейма в Варшаве в марте 1818 года он заявил, что, когда Россия достигнет «надлежащей зрелости», конституция будет введена и здесь.

Правда, не все поверили этому. Девятнадцатилетний Пушкин в стихотворении «Noël», широко распространившемся в среде, близкой к тайному обществу, высмеивал царские обещания и называл их сказками.

В тайном обществе мнения разделились на умеренные и радикальные. Во главе сторонников решительных революционных действий стал Пестель. Он хорошо понимал бессцельность либеральных речей.

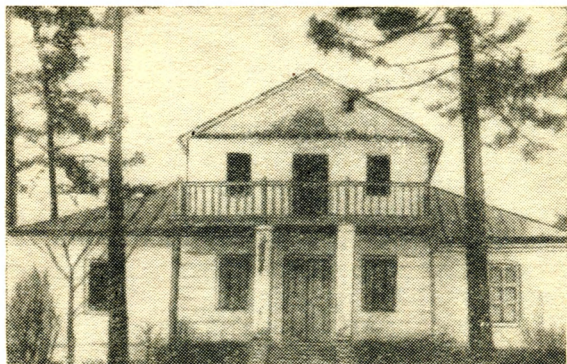
1818 год внес важные перемены в жизнь

Пестеля. Граф Витгенштейн получил новое назначение — на Украину. Вместе с ним во 2-ю армию выехал и его адъютант.

Роты и батальоны двух корпусов, составлявших армию, были разбросаны по бесчисленным городам и местечкам Киевской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской губерний. Пестель поселился в Тульчине — небольшом городке под Винницей. С помощью своего денщика Савенко он оборудовал новое жилище просто и удобно: письменный стол, полки с книгами, кушетка и, конечно, фортепьяно, с которым Павел Иванович не расставался. Музицировать по вечерам было его единственным отдыхом и удовольствием.

Тонкий ум, начитанность, всесторонняя образованность привлекли к Пестелю многих молодых офицеров. Но особенно близко сошелся он на новом месте с двумя — подполковником Комаровым и армейским врачом Вольфом. Дружеские беседы располагали к откровенности. Вскоре Пестель понял, что его новые друзья неодобрительно относятся к российским порядкам. Присмотревшись еще немного, он решил открыть им тайну существования общества. Ознакомившись с «Зеленой книгой», Комаров и Вольф выразили свое полное согласие с целями и задачами Союза благоденствия. Так возникло и начало свою работу южное отделение общества — Тульчинская управа.

В программе Союза благоденствия было сказано, что каждый из его членов должен обдумать условия освобождения крестьян в Рос-

Дом П. И. Пестеля в Тульчине.

сии, изложить это в специальной записке и после обсуждения представить ее царю.

Над такой запиской начал работать в Тульчине и Пестель. Но он разработал не только порядок отмены крепостного права. Большое место в своем труде, названном «Запиской о государственном правлении», он уделил реорганизации армии.

С 1816 года в России стали учреждаться военные поселения, в которых все жители мужского пола, включая шестилетних мальчиков, должны были постоянно носить военную форму и подчиняться жестокому палочному режиму. По команде крестьяне-солдаты отправлялись на пахоту, по команде шли на военные учения.

Организацией поселения преследовалась двойная цель — увеличить военные силы стра-

ны и сократить расходы на содержание армии.

Начальником военных поселений был назначен Аракчеев.

В «Записке о государственном правлении» Пестель предлагал отменить военные поселения. «Одна мысль о военных поселениях, — писал он, — наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом». Армия, считал он, должна формироваться на основе всеобщей воинской повинности.

Пестель работал над «Запиской» почти два года. Но ни в первом, ни во втором своем варианте она его не удовлетворила. Отказался он и от мысли послать свой труд царю.

За это время взгляды Пестеля значительно изменились.

Идея Монтескье, считавшего наилучшей формой государственного правления конституционную монархию, не находила уже в нем поддержки. Значительно более правильными казались Пестелю мысли Дестют де Траси, высказанные им в книге «Комментарий на «Дух законов» Монтескье». Этот французский философ полагал единственно правомочной формой правления народную власть. «Надеяться на свободу и монархию, — писал он, — значит надеяться на две вещи, из которых одна исключает другую».

Тульчинская управа Союза благоденствия разрасталась. В мае 1819 года во 2-ю армию был переведен руководитель одной из петербургских управ Бурцов. Через месяц после

этого из Петербурга прибыл назначенный адъютантом к Витгенштейну ротмистр Ивашев, тоже член общества. Вновь были приняты офицеры Кальм, Аврамов, Краснокутский, военный чиновник Юшневский.

По вечерам члены общества часто собирались. Основной темой их разговоров были пути и судьбы родины. Но не было среди заговорщиков единодушия. Противником республиканских взглядов Пестеля стал Бурцов. Он ратовал только за просвещение, за «медленное действие, ведущее к исправлению нравов».

В конце 1819 года Витгенштейн поехал по делам службы в Петербург. Пестель сопровождал главнокомандующего.

Для Пестеля эта поездка была как нельзя более кстати: он надеялся убедить членов Коренной управы в необходимости государственного переворота.

В один из январских дней 1820 года на Театральной площади, в квартире Федора Ивановича Глинки, состоялось заседание Коренной управы. Его открыл князь Илья Долгоруков.

— Господин Пестель, — произнес он, — пожелал изложить нам выгоды и невыгоды монархического и республиканского правлений...

Князь немного помолчал и добавил:

— После чего каждый присутствующий выскажет по этому поводу свое суждение...

Пестель говорил, как всегда, умно, спокойно. Сила его аргументов была неотразима. По свидетельству одного из декабристов, Пестель

«излагал мысли свои с такою логикою, такою последовательностью и таким убеждением, что трудно было устоять против его влияния».

Когда Павел Иванович закончил свой доклад, к нему, улыбаясь, подошел Михаил Лунин:

— Послушай вас царь, вы и его убедили бы, что для блага республики ему необходимо отправиться на эшафот...

С предложением Пестеля установить в России путем военного переворота республику согласились все члены Коренной управы. Но как потом поступить с императором?

На предложение Никиты Муравьева уничтожить всю царскую семью князь Долгоруков отчаянно замахал руками:

— Благоденствие через цареубийство! Я не пойму, где я нахожусь. Это какой-то якобинский клуб времен террора!

Договориться в этот день так и не удалось. На следующем совещании вопрос был поставлен на голосование. Чтобы пресечь всякую попытку реставрации монархии, присутствовавшие вынуждены были согласиться с необходимостью цареубийства.

Будущей республике нужна была конституция — и, возвратившись из Петербурга, Пестель стал составлять ее проект. Он работал над ним всю весну и лето 1820 года. В августе Тульчин посетили члены Коренной управы Никита Муравьев и Михаил Лунин. Пестель вручил им экземпляр готового проекта.

В конституции Пестеля нашли свое отражение его главные мысли и убеждения. Самодержавие и крепостничество объявлялись

уничтоженными. Крестьяне освобождались с землей. Всем гражданам мужского пола, достигшим совершеннолетия, предоставлялось право участвовать в выборах. Законодательная власть в стране, по проекту Пестеля, должна была принадлежать Народному вечу.

Активная деятельность тайного общества, принявшего за два года в свои ряды множество новых членов, естественно, не могла долго оставаться незамеченной правительством. В организацию проникли осведомители. Нужно было срочно что-то предпринять, чтобы избежать возможных репрессий.

Кроме того, в среде самих заговорщиков появились разногласия. Решения зимнего совещания Коренной управы, на котором присутствовал Пестель, не всем пришлись по душе. Внутри организации разгорелась ожесточенная борьба мнений. Дело доходило до того, что некоторые члены тайного общества объявляли о своем желании уйти из него.

Был только один выход из создавшегося положения — официально объявить о роспуске общества, а потом, отсеяв ненадежных членов, сформировать новую организацию.

В январе 1821 года на московском съезде Союза благоденствия было принято постановление — Союз распустить.

Так как для поездки в Москву у Пестеля не было поводов и появление его там могло привлечь внимание полиции, на съезд от Тульчинской управы поехали Бурцов и Комаров. Они-то и привезли известие о расформировании общества.

Выслушав сообщение Бурцова, Пестель заявил:

— Московское совещание не вправе было уничтожить общество. Но ежели так случилось, я намерен организовать новое.

Решение Пестеля поддержало большинство членов Тульчинской управы.

В этот день было положено начало созданию самой революционной организации декабристов — Южного общества.

Цель общества осталась прежняя — республика.

На первом же своем заседании члены общества договорились действовать решительно. Если для введения республиканского правления в России нужна смерть императора — Александр должен умереть.

На втором заседании был обсужден вопрос построения общества. Оно строилось на основе строгой внутренней дисциплины и подчинения руководящему центру — Директории. В Директорию были выбраны Пестель и Юшневский.

Не менее серьезным был вопрос о росте общества. Раньше, в Союзе благоденствия, каждый мог вербовать новичков единолично, по своему усмотрению. Теперь же, чтобы обезопасить организацию от проникновения нежелательных лиц, постановили принимать в общество только после обсуждения каждой кандидатуры Директорией. Снова было подтверждено решение свергнуть самодержавие путем военного переворота.

Но реальными военными силами Южное общество не располагало. Его члены были

штабными офицерами и непосредственного общения с солдатами не имели. Поэтому было решено всеми силами добиваться назначения на командные должности в полках.

Начальник штаба 2-й армии генерал Киселев заметно выделял Пестеля среди других офицеров. «Из всего здешнего синклита, — писал он в Петербург своему другу генералу Закревскому, — он один, и совершенно один, могущий с пользой быть употреблен, малый умный, со сведениями... Пестель такого свойства, что всякое место займет с пользой; жаль, что чин не позволяет, но дежурный ли генерал, начальник ли штаба в корпусе — везде собою принесет пользу, ибо голова хорошая и усердия много».

Киселев неоднократно представлял Пестеля к званию полковника и к должности командира полка, но царь назначения пока не подписывал.

Однажды вечером, в конце февраля 1821 года, Пестеля неожиданно вызвали в штаб.

— Подполковник, — обратился к Пестелю Киселев, — вам необходимо немедленно выехать в Бессарабию. Его величеству угодно получить подробнейшие сведения о возмущении греков...

Несколько раз побывал Пестель в Кишиневе, собирая материалы о восстании под руководством Ипсиланти, направленном против турецкого гнета. Он составил обширное донесение, в котором доказывал, что «мотивы, определяющие поведение Ипсиланти, заслуживают самого высокого уважения».

Когда министр иностранных дел Нессельроде ознакомился с донесением Пестеля, он спросил царя, кто этот дипломат, так умно и правильно описавший положение Греции и христиан на Востоке. Александр I ответил: «Не более и не менее как армейский подполковник. Да, вот какие у меня служат в армии подполковники».

Во время одной из таких командировок Пестель познакомился в Кишиневе с Александром Сергеевичем Пушкиным и произвел на него огромное впечатление.

«Утро провел я с Пестелем, — записал поэт в своем дневнике, — умный человек во всем смысле этого слова. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которые я знаю...»

Время шло, а столь ожидаемого Пестелем приказа о производстве все не было. Долгожданная бумага пришла только 15 ноября 1821 года. Пестелю присваивался чин полковника. Ему передавался Вятский полк, считавшийся во 2-й армии самым распущенным.

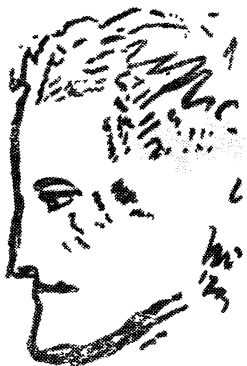
Приехав в Линцы, где квартировал полк, Пестель активно принялся наводить порядок. Через полгода князь Сибирский, инспектировавший Вятский полк, вынужден был дать его командиру самую высокую оценку: «...усердие его и жертвование даже собственных денег на приведение полка не только в должную исправность, но даже видимое желание сравнить полк, ему вверенный, с лучшими, — столь успешны и очевидны, что остается только благодарить».

А собственных денег, кстати, у Пестеля было весьма мало. Отец его, Иван Борисович, был уволен в отставку и разорен.

Пестель писал отцу:

«...вам нужны деньги, и я сделаю все возможное, чтобы их послать вам скорей. Потом очень важная статья — это долг. Я еще в службе и человек одинокий: сделайте мне великую милость, дорогие родители, перепишите ваши заемные письма на мое

имя, тогда вас не будут более тревожить, а жалованье мое доставит хоть что-нибудь вашим заимодавцам. Я думаю, что они охотно на это согласятся, и тот день, когда я подпишу все ваши заемные письма, будет, без сомнения, прекраснейший день моей жизни».

П. И. Пестель.

Рисунок А. С. Пушкина

Особенно многолюдным Киев был зимой, в январе. На ежегодные, так называемые контрактные, ярмарки сюда приезжали все — помещики из ближних губерний, торговцы, офицеры стоявших неподалеку полков. Члены общества в это время устраивали съезды.

На первый съезд руководящих членов

Южного общества в январе 1822 года прибыли Пестель, Юшневский, Сергей Волконский, стоявший со своей бригадой в Умани, подполковники Черниговского полка Василий Давыдов и Сергей Муравьев-Апостол, недавно переведенный на Украину из Петербурга.

Основным вопросом, обсуждавшимся на съезде, был вопрос о конституции будущей республики. Заслушали проект Пестеля и решили «предоставить каждому члену целый год для обдумывания мнения» о конституции и об «образе введения ее».

В это время в Петербурге тоже было создано новое общество. Оно получило название Северного.

Связи обоих обществ положил начало Пестель. Он послал в столицу Сергея Волконского с заданием узнать планы петербуржцев.

Волконский вскоре вернулся; привезя с собой проект конституции, составленный Муравьевым. Как же был удивлен Пестель, увидев в проекте этого недавнего республиканца слова «конституционная монархия»! Нет, такое он принять не может. «...Полумеры ничего не стоят, — написал он Муравьеву. — А вам лучше разойтись, нежели бездействовать и все-таки опасностям подвергаться».

В январе 1823 года на втором съезде в Киеве все члены Южного общества единодушно отвергли конституцию Муравьева и проголосовали за проект Пестеля.

По этому проекту Россия объявлялась республикой. Конституцией предусматривалось уничтожение сословий, равенство всех гражд-

дан перед законом и право каждого мужчины, достигшего двадцати лет, участвовать в политической жизни страны — избирать и быть избранным без какого бы то ни было имущественного или образовательного ценза.

Иначе, чем Муравьев, решал Пестель вопрос об освобождении крестьян.

Он предлагал разделить землю в каждой волости на две равные части. Одну безвозмездно распределить между всеми уроженцами данной местности — для производства «необходимого продукта», другую передать казне и продавать участки желающим — для создания «изобилия». Пестель полагал, что таким образом «каждый россиянин будет совершенно в необходимом обеспечен и уверен, что в своей волости всегда клочок земли найти может, который ему пропитание доставит...»

Процесс освобождения крестьян от крепостной зависимости Пестель считал возможным растянуть на десять лет. В течение этого времени бывшие крепостные должны платить оброк или работать на помещичьих полях. Но, несмотря на это, с момента установления республики они получали все права российских граждан — могли избирать и быть избранными в любой орган власти. Конституционный проект объявлял все основные гражданские свободы — слова, печати, собраний, вероисповедания и т. д.

На втором съезде встал вопрос об «образе введения» конституции. Пестель предложил

уничтожить всю царскую фамилию. Его поддержали все, кроме Сергея Муравьева-Апостола.

— Никогда не соглашусь с этим сумасброднейшим мероприятием! — заявил он. — Да и можно ли такой вопрос решить шестью человеками? Его необходимо обсудить всем членам общества.

На том и порешили.

Итак, конституция была принята. Следующая задача — добиться слияния Южного и Северного обществ.

Поехать в Петербург Пестелю мешали дела, и он отправил к северянам Василия Давыдова, председателя Каменской управы Южного общества. Давыдов должен был вернуть Никите Муравьеву его проект с замечаниями Пестеля и передать текст конституции, принятой на втором съезде. Но Муравьев даже не раскрыл ее.

Тогда Пестель послал в Петербург Александра Бярятинского, которому было поручено завязать отношения с членами Северного общества минуя Муравьева. Это Бярятинскому удалось. Сумел он и несколько поколебать убеждения самого Никиты Муравьева. Во всяком случае, тот сообщил Пестелю запиской, что сделает все возможное для активизации деятельности Северного общества.

Увидеться с Никитой Муравьевым Пестель смог только в марте 1824 года. Бывшие единомышленники, они стояли теперь на совершенно разных позициях. Муравьев считал неверными все основные положения конститу-

ции Пестеля, а его план истребления царской семьи назвал варварским и противным нравственности. Слияние обществ он полагал преждевременным. И хотя против этого мнения выступил один из директоров Северного общества Кондратий Рылеев, Муравьев сумел отстоять свою точку зрения.

Последующие встречи Пестеля с северянами ничего не изменили. Правда, удалось договориться о том, чтобы «принимать взаимно приезжающих членов, как членов одного общества» и в случае выступления на Юге оказать немедленную поддержку на Севере и наоборот, но формальное объединение все-таки не состоялось. Его наметили провести в 1826 году, а до тех пор из двух проектов — Пестеля и Муравьева — решили выработать общие конституционные основы.

Все это время Пестель работал над улучшением своего проекта конституции. Был написан новый вариант, который получил название «Русская правда», или Заповедная государственная грамота великого народа российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления». В предисловии к «Русской правде» Пестель разъяснял необходимость временного верховного правления, которое после революционного переворота в стране должно взять в свои руки власть и постепенно вводить намеченные конституцией преобразования.

В новом варианте конституции Пестель пошел по пути дальнейшей демократизации.

Крестьяне становились сразу же свободными. Переходный период в десять лет уничтожался. Сословия ликвидировались.

Пестель готовился к объединенному съезду. Он собирался добиться полного организационного и идеологического слияния обоих обществ и договориться о скором одновременном выступлении. Но его планам не суждено было осуществиться.

В июле 1825 года Александру I через лейб-медика Виллие было передано письмо. В нем заключалась необычная просьба. Унтер-офицер 3-го Украинского полка Иван Шервуд просил под любым предлогом арестовать его и доставить в Петербург, так как он «имеет сообщить» императору важную новость.

Просьбу выполнили.

— Ваше величество, — сказал Шервуд, когда его привели во дворец, — против спокойствия России существует заговор...

И он рассказал царю, что своими ушами слышал разговоры о переменах, которые в скором времени ожидаются в России, а также о том, что его вербовали в тайное общество, которое эти перемены собирается осуществить.

Император поручил Шервуду доносить обо всем, что впредь удастся разузнать.

Вторым доносом, поступившим в Петербург, было сообщение тайного агента Бошняка, который сумел войти в курс всех дел Южного общества.

Третий донос последовал от штабс-капитана Вятского полка Майбороды. Его, знатока фрунтовой службы, Пестель в свое время сам

попросил перевести к нему в полк. Майборода сообщал о существовании тайного общества и предлагал открыть все подробности заговора.

В доносе Майбороды содержалось самое серьезное для Пестеля обвинение: пишет законы для будущей республики.

19 ноября 1825 года в Таганроге внезапно умер Александр I. По существующему порядку наследовать ему должен был цесаревич Константин. Никто в стране не знал, что он давно отказался от престола — это держалось в секрете, — и армия присягнула новому императору Константину Павловичу.

6 декабря к присяге был приведен Вятский полк, а вечером Пестель получил записку от Сергея Муравьева-Апостола. «Общество открыто, — сообщал он. — Если будет арестован хоть один член, я начинаю дело».

Беспокойство охватило Пестеля. Предчувствия, заставившие его еще в ноябре спрятать «Русскую правду», а самую опасную шестую, главу — «О Верховном правлении» — сжечь, начинали оправдываться. Он решил срочно уничтожить все компрометирующие бумаги.

12 декабря Пестеля известили, что в Тульчин приехал генерал-адъютант Чернышев, что он встретился с Витгенштейном и Киселевым и долго о чем-то с ними совещался. На следующий день пришел приказ — командиру 1-й бригады генералу Кладищеву и полковникам Пестелю и Аврамову срочно прибыть в Тульчин.

Один из декабристов, друг Пестеля майор

Николай Иванович Лорер, так вспоминает об этом:

«Чуя приближающуюся грозу, но не быв уверены совершенно в нашей гибели, мы долго доискивались в этот вечер какой-нибудь задней мысли, дурно скрытого намека в приказе по корпусу; но ничего не нашли особенного, разве то, что имя Пестеля было повторено в нем три раза. В недоумении, мы не знали, что предпринять, и Пестель решился отдаться своему жребию.

Я хотел было идти к себе, но Пестель еще меня остановил и послал просить к себе бригадного командира. Когда добрый старик, бывший с нами в хороших отношениях, пришел, то Пестель сказал ему: «Я не еду, я болен... Скажите Киселеву, что я очень нездоров и не могу явиться». С тем мы и расстались далеко за полночь.

Не успел я возвратиться к себе и лечь в постель, как человек Пестеля прибегает ко мне с просьбою пожаловать к нему и с известием, что полковник сейчас едут в Тульчин. Не постигая таких быстрых перемен, я наскоро оделся и побежал к полковнику... Он уже был одет по-дорожному, и коляска его стояла у крыльца...

— Я еду, что будет, то будет, — встретил он меня словами. — Я еще хотел вас видеть, Николай Иванович, чтобы сказать вам, что, может быть, мне придется дать вам поручение маленькой записочкой, хотя бы карандашом написанной: исполните без отлагательства то, что вы там прочтете, — хоть из любви к нам.

С этими словами мы обнялись, я проводил его до коляски и, встревоженный, возвратился в комнату... Свечи еще горели... кругом была мертвая тишина. Только гул колес отъехавшего экипажа дрожал в воздухе».

Когда коляска подъехала к Тульчину, Пестель заметил у заставы конный взвод с саблями наголо. Ему все стало ясно. Он остановил экипаж и набросал на листке бумаги несколько строк по-французски.

— Беги! — сказал он своему денщику Савенке. — Доставь это непременно господину Лореру.

Савенко бросился к лесу, но через несколько минут был схвачен.

Что же произошло в Тульчине?

13 декабря Витгенштейн отдал дежурному генералу Байкову такой приказ:

«Коль скоро прибудет к заставе полковник Пестель, велите отвезти его прямо к вам в дом и объявите ему моим именем, что он арестовывается и должен под арестом находиться у вас вплоть до особого распоряжения».

Байков выполнил приказ, о чем прислал графу соответствующее донесение:

«С разрешения и приказания вашего сиятельства поставил на шлагбаум жандарма с письмом к Пестелю, чтобы он ехал прямо ко мне на квартиру для получения приказания. По уходе всех бывших у меня лиц я объявил Пестелю арест. Назначил ему одну из моих горниц, куда поставлен был караул с указа-

нием никого к нему не допускать, кроме вашего сиятельства. А сверх того был секретный надзор над моей квартирой от военной полиции...»

В то время как Пестель сидел в Тульчине под арестом, генерал-адъютант Чернышев с помощью Майбороды обыскивал в Линцах его дом. Но обыск не дал никаких результатов. Тогда приступили к допросам.

Из тридцати восьми вопросов, заданных Пестелю, он понял, что его следователю известно все главное о тайном обществе и заговоре, но на все вопросы он ответил незнанием.

«Никто из членов тайного общества мне не известен», — заявлял он в своих письменных ответах. «Не имея никакого понятия об упоминаемом тайном обществе, ничего не могу объяснить о средствах, им придуманных». «Я никаких законов не писал и потому главные черты оных объяснить не могу...»

23 декабря до Тульчина дошла весть о восстании на Сенатской площади. А через несколько дней прибывший из Петербурга фельдъегерь привез приказ срочно доставить Пестеля в столицу.

* * *

Петропавловская крепость была построена Петром для защиты Русского государства от врага. Но — странная ирония судьбы! — она не сделала по врагу ни одного выстрела. Ее холодные каменные стены стали темницей для самых лучших людей России, мечтавших о счастье своего народа.

Пестеля поместили в самый страшный — Алексеевский рavelин, в камеру № 13. В соседних камерах сидели декабристы Бестужев-Рюмин и Кюхельбекер.

Сразу после восстания на Сенатской площади царь создал «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества». В него вошли великий князь Михаил, военный министр Татищев, князь Голицын, генерал-адъютанты Голенищев-Кутузов, Бенкендорф и Левашов. Несколько позже в комитет был введен генерал-адъютант Чернышев, который вел следствие в Тульчине.

На первом же допросе 4 января 1826 года Пестелю стало ясно, что Тайный комитет знает все, и он счел дальнейшее заперательство бесполезным. Более того, он решил использовать свое присутствие на заседаниях Тайного комитета в интересах дела: открыто высказать представителям власти свою точку зрения на государственное устройство.

— Изъясните чистосердечно, чего, собственно, домогались вы своими вольнодумными прожеками, — спрашивал Левашов.

Пестель отвечал:

— Я хотел полного равенства граждан. Я хотел наибольшего благоденствия всех и каждого. Всякое постановление, нарушающее равенство всех перед законом, я почитаю за нестерпимое зловластие, а зловластие должно быть уничтожено, ибо оно ведет к жестокой несправедливости против наибольшей части народа.

Пестеля вызывали для очных ставок и допросов с января по апрель.

«Никто из подсудимых, — вспоминает священник Мысловский, — не был спрашиван в комиссии более его; никто не выдержал столько очных ставок, как опять он же; везде и всегда был равен себе самому. Ничто не колебало твердости его. Казалось, он один готов был на раменах своих выдержать тяжесть Альпийских гор. В комиссии всегда отвечал с видимою гордостью и каким-то самонадеянием...

Пастор Рейнбот... отличного ума человек, был с Пестелем несколько часов и вышел от него без всего: преступник и слышать не хотел о таинствах веры; он только вдавался в словопрения и не переставал доказывать правоту своих мыслей и поступков».

«Где «Русская правда» полковника Пестеля?» Этот вопрос задавался всем членам Южного общества, в том числе и Лореру. Но тот заявил, что не знает. Только когда Чернышев показал Лореру собственноручно написанное показание самого Пестеля, где он свидетельствовал о том, что передал «Русскую правду» «на предмет сокрытия» поручику Крюкову и штабс-капитану Черкасову в присутствии майора Лорера, тот должен был подписать: «Действительно так».

Пестель правильно рассудил, что «Русской правде» лучше храниться в Государственном архиве. Здесь она может дожить до светлых дней и еще принести пользу людям!

На одном из допросов член Южного общества прапорщик Заикин вызвался показать место, где зарыта «Русская правда». Ее на-

шли в придорожной канаве возле деревни Кирносовки и привезли в Петербург. «Русская правда» попала в руки царя. Но не законы, составленные Пестелем, интересовали Николая. Мятежный полковник собирался уничтожить царскую фамилию — вот что было для императора самым главным.

Следствие над декабристами тянулось пять месяцев. Приближалась церемония коронации Николая. Пожелав разделаться со своими врагами до этого торжества, царь велел следствие прекратить.

1 июля вышел указ о назначении Верховного уголовного суда над декабристами.

Верховный уголовный суд был составлен из членов Государственного совета, Синода, Сената и «особо назначенных высших военных и гражданских чинов».

В него вошли семьдесят два человека. Но фактически декабристов судил один человек, имени которого не было в списке судей, — сам Николай I. Действовал он через члена Государственного совета Сперанского. По личному указанию императора Сперанский обосновал юридическую сторону процесса и подсказал разделение обвиняемых, в соответствии с тяжестью их вины, на одиннадцать разрядов. Но, решил суд, «сколь ни тяжки вины, в первом разряде означенные... есть в числе подсудимых лица, кои по особенному свойству их преступлений не могут идти в сравнение даже с теми, кои принадлежат к сему разряду. Превосходя других во всех злых умыслах силою примера, неукротимостью злобы, свирепым упорством и, наконец, хладнокровною го-

товностью к кровопролитию, они стоят вне всякого сравнения. Комиссия признала справедливым, отделив их, составить им с изложением их злодеяний особенный список».

В этот список попали пятеро: Павел Иванович Пестель, Кондратий Федорович Рылеев, Сергей Иванович Муравьев-Апостол, Михаил Павлович Бестужев-Рюмин и Петр Григорьевич Каховский.

О Пестеле в докладе Верховного уголовного суда было сказано следующее: «Имел умысел на цареубийство, изыскивал к тому средства, избирал и назначал лица к совершению оною; умышлял на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех ее членов, на жертвы обреченных, и возбуждал к тому других; учреждал и с неограниченной властью управлял Южным тайным обществом, имевшим целью бунт и введение республиканского правления; составлял планы, уставы, конституцию, возбуждал и приготавливал к бунту».

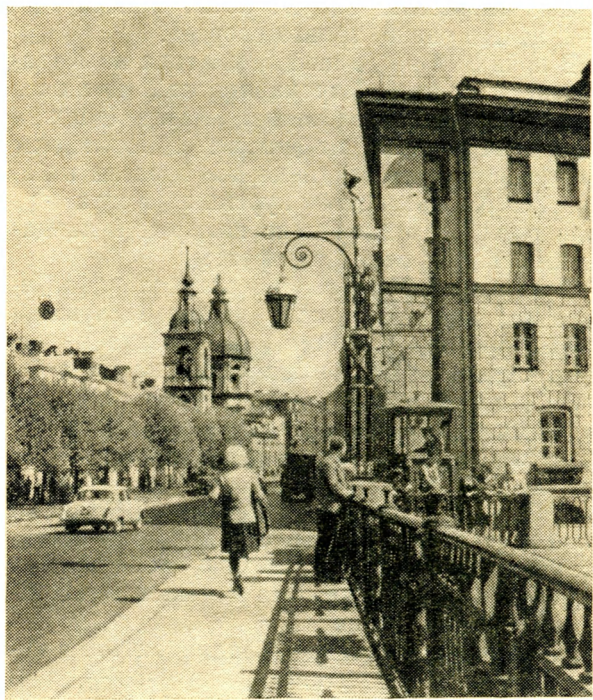
Всех пятерых, поставленных вне разрядов, суд приговорил к повешению.

На заседаниях суда обвиняемые не присутствовали. Они увидели своих судей только 12 июля. В этот день узников привели в дом коменданта Петропавловской крепости генерала Сукина. Встреча была для декабристов неожиданной. Узнав, что их собрали здесь для объявления приговора, заключенные удивились:

— Как, разве нас уже судили?

— Да, — последовал ответ.

Вечером в камеру Пестеля, лютеранина по

Улица Пестеля в Ленинграде.

вероисповеданию, пришел для последнего напутствия пастор Рейнбот, старый друг его отца.

«Я дрожал, — рассказывал потом об этом свидании пастор, — но он был тверд и сказал: я даже не расслышал, что хотят с нами сделать, но все равно, только скорее».

В ночь с 12 на 13 июля 1826 года на Кронверкском плацу Петропавловской крепости была сооружена виселица. Казнь должна была совершиться на рассвете. Последние часы своей жизни заключенные провели в казематах Кронверкской куртины. Когда все было готово, их вывели из камер и в кандалах выстроили перед эшафотом.

Протоиерей Мысловский слышал, как Пестель произнес: «Неужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отворачивались от пуль и ядер. Можно было бы нас и расстрелять!»

Подшли палачи, надели на головы смертников мешки, стянули покрепче руки и повели к эшафоту.

...Шесть дней спустя в Москве, в Чудовом монастыре, в присутствии царской семьи был отслужен молебен по случаю победы над «внутренними врагами». На Кремлевском холме салютовали пушки.

Затерявшись в толпе, следил за этой церемонией четырнадцатилетний мальчик—Александр Герцен. И тут, перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой, он клялся отомстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим тронном, с этим алтарем, с этими пушками.

...Расправа над декабристами совершилась. Царь повелел истребить и всякую память о них. Разбита была в Пажеском корпусе почетная мраморная доска, на которой золотом написано было имя Пестеля, первого по выпуску 1811 года. Во все концы России были разосланы шпионы с заданием сообщать, что говорит народ.

В архивах сохранилось донесение «агента по тайным государственным делам» Станкевича. Он сообщает, что все нижние чины и офицеры Вятского полка «неприменно жалуют Пестеля, бывшего их командира, говорят, что им хорошо с ним было да и еще чего-то лучшего ожидали, и стоит только вспомнить кому из военных Пестеля, то вдруг всякий со вздохом тяжким и слезами отвечает, что такового командира не было и не будет». И дальше: «Музыкантский староста ...ругал Майбороду, что сделал донос на Пестеля, из которых последнего ужасно расхваливал и жалел, говоря притом, что Пестель перед смертью изрек слова сии: „что он, Пестель, посеял, то и взойти должно и взойдет впоследствии непременно”»...

«Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена...» — так писал в 1912 году в статье «Памяти Герцена» Владимир Ильич Ленин

На обложке своего журнала «Полярная звезда» Герцен поместил медальон с профилями пяти повешенных декабристов. Он

подхватил и высоко вознес знамя свободы, выпавшее из рук казненных.

В 1917 году победивший народ вспомнил борцов, отдавших жизнь за свободу России, и навсегда увековечил их память. Имена декабристов носят улицы и предприятия, о них пишут в книгах, рассказывают детям.

Отдавшие жизнь за счастье Отчизны не умирают. И потому вечно останутся с нами мужественные и честные люди — декабристы, и среди них Павел Иванович Пестель.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21. «Памяти Герцена».
- «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II. Госполитиздат, М., 1951.
- «Декабристы». Сборник. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1925.
- Нечкина М. В. Декабристы. Учпедгиз, М., 1949.
- Габов Г. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. Госполитиздат, М., 1954.
- «Очерки из истории движения декабристов». Сборник. Госполитиздат, М., 1954.
- Лорер Н. И. Записки декабриста. М., 1931.
- Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. II. Госюриздат, М., 1961.
- Щеголев П. Е. Декабристы. М.—Л., 1926.
- Форш О. Первенцы свободы. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1953.
- Гессен А. Во глубине сибирских руд... Детгиз, М., 1963.
- Карташев Б., Муравьев Вл. Пестель. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1958.
- Павлов-Сильванский Н. П., Павел Иванович Пестель. Биографический очерк. СПб., 1901.
- Павлов-Сильванский Н. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов-на-Дону, 1908.

Валентина Петровна Иванова
„П. И. Пестель“

Редактор И. И. Слобожан
Технический редактор Г. В. Шиманарева
Корректор Л. М. Ван-Заам

Сдано в набор 22/VIII 1966 г. Подписано к печати 21/IX 1966 г.
Формат бумаги 70×90^{1/32} Физ. печ. л. 1,375. Усл. печ. л. 1,61.
Уч.-изд. л. 1,5 Тираж 75000 экз. М-11934. Зак. № 1285
Работа объявлена в т. п. 1966 г., № 111

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57
Цена 5 коп.

5 коп.

1966
Лениздат